

ДНЕВНИК ГЕРОЯ
истории от первого лица

БИТВА С ОГНЕМ

ЖИЗНЬ И СЛУЖБА
ЛОНДОНСКОГО ПОЖАРНОГО

ЭДРИК
КЕННЕДИ-
МАКФОЙ

ГЛУБОКО ЛИЧНАЯ
И НЕВЕРОЯТНО МОЩНАЯ КНИГА!
TOM МАРКУС, АВТОР SOLDIER SPY

Дневник героя. Истории от первого лица

Эдрик Кеннеди-Макфой

**Битва с огнем. Жизнь и служба
лондонского пожарного**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 614.84(092)(410)
ББК 38.96

Кеннеди-Макфой Э.

Битва с огнем. Жизнь и служба лондонского пожарного /
Э. Кеннеди-Макфой — «Издательство АСТ», 2018 — (Дневник
героя. Истории от первого лица)

ISBN 978-0-593-08037-5

Груз ответственности, лежащий на пожарных, не просто велик — огромен. Они приходят на помощь людям в самых разных ситуациях, от комичных до трагических. Сегодня пожарный снимает с дерева кошку, а завтра вытаскивает ребенка из огня. Но что он чувствует при этом сам? Как справляется с собственными переживаниями? Какой опыт выносит из каждой смены на работе? Именно об этом и решил рассказать читателям автор Эдрик Кеннеди-Макфой — спортсмен, тренер и в прошлом лондонский пожарный. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 614.84(092)(410)
ББК 38.96

ISBN 978-0-593-08037-5

© Кеннеди-Макфой Э., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Примечание автора	6
Пролог	7
Глава первая. Красный рассвет	9
Глава вторая. Башня	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эдрик Кеннеди-Макфой

Битва с огнем. Жизнь и служба

лондонского пожарного

Edric Kennedy-Macfoy

INTO THE FIRE: MY LIFE AS A LONDON FIREFIGHTER

© EdricKennedy-Macfoy, 2018

© И. Д. Голыбина, перевод, 2018

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Моей дорогой маме и всем любимым людям, которых я потерял: это Эдрик Макфой и Айзета Макфой, Найджсел Маккэрролл, Кэрол Маккэрролл, Райан О'Донелл, Эдмунд Коул, Джозефин Коул, Оло Макфой, Фред Макфой, Розалин Макфой, Дональд Маккормик, Джастина Соьер, Ханна Шримптон, Адам Бленнергассет, Уэйн Ричардз, Киран Нагар и Джоанна. А также всем, кто стал жертвами трагедий в городе, где я служил пожарным. Вы больше не терзаетесь от боли и страданий и будете всегда жить в моей памяти. С вами навечно моя любовь.

Ушедшие, но не забытые, покойтесь с миром!

Примечание автора

События, описанные в книге, восстановлены по моим собственным воспоминаниям. Все личные детали изменены. Мои взгляды могут отличаться от официальной позиции лондонской Пожарной службы, которая не несет никакой ответственности за мои высказывания или выводы.

Пролог

Я тринадцать лет прослужил в Лондоне пожарным и немало повидал за это время. Многие годы я радовался динамизму своей работы, полной адреналина, мечтал о следующем опасном вызове, о сирене, возвещающей, что мы едем на пожар, на крупное дорожно-транспортное происшествие или куда-то еще, где жизнь людей оказалась в опасности. Спешить на помощь, применять все свои знания и опыт, чтобы кого-то спасти, казалось, в этом и было мое призвание. Работа приносила мне подлинное удовлетворение, и я искренне гордился тем, что ношу форму пожарного. Но потом все изменилось.

После Гренфелла у меня начались кошмары. Сначала они возникали только во сне. Потом стали преследовать меня и днем, просачиваясь из подсознания; они переносили меня на место катастроф, в Гренфелл или Кройдон – повсюду, где мне пришлось побывать. Время как будто останавливалось, реальность отступала, и я проваливался в черную дыру у себя в мозгу.

В таком полусознательном состоянии я видел их всех – людей, которых мы не смогли спасти. Лица погибших являлись мне. Иногда они были далекими и размытыми, иногда – ясными и четкими. Мои сны превратились в фильм ужасов. Жертвы манили меня к себе сквозь огонь и дым. Я бросался вперед, тянул к ним руки, но никогда не успевал. Их поглощало пламя, бушевавшее у меня в голове.

Это началось не сразу. Психологическая устойчивость – необходимое качество для нашей работы. Хороший пожарный должен уметь эмоционально дистанцироваться: это не отменяет доброты и сострадания, но, возвращаясь домой, все переживания рабочего дня надо оставлять за порогом. Иначе груз становится слишком тяжелым, а чувства – невыносимыми. Я всегда умел отделять профессиональную жизнь от личной. Но потом все изменилось.

Я немало повидал, работая в лондонской Пожарной службе, и трагедии не были мне в новинку, но все равно оказался не готов к тому, что ждало нас в Гренфелл-Тауэр. Тот пожар стал поворотной точкой. В своей книге я попытался дать читателю представление о нашей работе, о том, чем нам приходится жертвовать и почему мы на это идем. Вместе со мной вы побываете в Гренфелле и на местах других катастроф, определивших мой профессиональный путь. Я старался описать его для вас без прикрас, но прежде чем вы познакомитесь с моим прошлым, мне хотелось бы сказать пару слов о моем настоящем.

Пожарные славятся своим бесстрашием. Мы сломя голову бросаемся туда, куда другие боятся приближаться. Мы тушим огонь. Мы спасаем жизни. Многие из нас становятся героями. Многих эта работа привлекает именно тем, что она опасная. Мы ценим в ней то, что она по-настоящему значима. Мы гордимся тем, что делаем. Но все равно мы просто люди. А значит, тоже уязвимы.

Пожар в Гренфелле серьезно сказался не только на мне, но и на многих моих коллегах, которые в тот ужасный день выполняли гораздо более ответственные задания и спасали людей из огня. То, что началось с грусти, неизбежно последовавшей за катастрофой, со временем переросло в уныние и отчаяние, а потом – в чувство вины. Я пытался понять, почему та трагедия так на меня повлияла, думал, что не имею права реагировать подобным образом – в конце концов, там было столько жертв, чьи жизни пожар исковеркал куда сильнее, чем мою.

Но зерно сомнения было посеяно и постепенно стало разрушать панцирь, которым я себя ограждал. Не только Гренфелл – все подавленные переживания вырвались наружу. Я ушел в себя, перестал радоваться жизни и даже задумывался о самоубийстве.

После прозрения, случившегося со мной на платформе метро, я обратился за помощью к друзьям и стал посещать штатного психолога Пожарной службы, так что постепенно начал приходить в себя. Мне поставили диагноз посттравматическое стрессовое расстройство и реко-

мендовали отпуск. Позитивный настрой, который я считал навсегда утраченным, понемногу возвращался. Жизнь заново обретала смысл.

Восстановиться после таких событий нелегко: они навсегда изменили мои взгляды на жизнь и на профессию, отношение к коллегам и друзьям. Написание книги тоже было своего рода терапией. Я надеюсь, что вам будет интересно прочесть мою историю, но еще сильнее хочу, чтобы она помогла тем, кто нуждается в поддержке. Все мы люди, и все мы уязвимы.

Глава первая. Красный рассвет

Я проснулся около пяти утра и сразу схватился за телефон – плохая привычка проверять сообщения по ночам. Ничего важного там не оказалось, так что я перешел в интернет-браузер и открыл новостной сайт. Он весь пестрел сообщениями о пожаре на северо-западе Лондона, в жилом комплексе под названием Гренфелл-Тауэр. Новости сопровождались шокирующими фотографиями: гигантское здание, охваченное пламенем, словно факел полыхало на фоне ночного неба.

В полусне мне и в голову не пришло, что спустя некоторое время я сам окажусь там. Гренфелл-Тауэр не относился к нашему участку – я служил на юге города, в Бэттерси, – и хотя пожарные команды часто выезжают на подмогу в другие районы, я не думал, что мы тоже понадобится.

Моя смена начиналась только через четыре часа, и я ожидал, что к этому времени пожар уже будет потушен. «Красная» смена нашего отделения в Бэттерси, дежурившая ночью, наверняка выехала туда, но я не предполагал, что и моя ПСК (пожарная спасательная команда) понадобится тоже. Я выкинул из головы тревожные мысли и снова заснул.

Проснувшись во второй раз, как обычно в половине седьмого, я ощутил укол беспокойства, выпрыгнул из постели и поднялся наверх, к соседу, который смотрел по телевизору выпуск новостей. Он был практически полностью посвящен пожару в Гренфелл-Тауэр.

– Ты только взгляни! – сказал сосед с глазами, широко распахнутыми от ужаса. Я взглянул, и мои глаза распахнулись тоже – от потрясения. Не надо было прислушиваться к тому, что говорил диктор, или читать бегущую строку внизу экрана, чтобы понять, что без жертв не обойдется. Мое предчувствие говорило, что оттуда вообще никто не выберется живым. Все выглядело так, словно страшный сон стал явью.

Но и тогда я не думал, что сам там окажусь. Как обычно, совершил 5-километровую пробежку, сытно позавтракал овсянкой с арахисовой пастой и бананом и в 8:30 отправился на работу.

Улица выглядела непривычно. Вокруг царила тишина; обычный лондонский шум и толчея часа пик сменились глухим молчанием, как будто город заранее погрузился в траур.

Такая же тишина встретила меня на работе. Все наши четыре машины были в Гренфелле, и все пожарные тоже.

И все равно я считал, что мою смену в Гренфелл не отправят. Скорее, та, что уже находилась там, могла задержаться на некоторое время. Борьба с пожаром и так затянулась. Он бушевал несколько часов, и, насколько я мог судить, спасательных операций там больше не проводилось – пожарные только тушили огонь.

Стоило мне переодеться в форму, как раздался телефонный звонок: вызывала Центральная диспетчерская, отвечавшая за распределение пожарных команд и передачу информации о происшествиях, в том числе адресов и точных данных о пожаре. Мне велели собрать СПК к 9:30 утра, посадить всех в служебный автобус в Бэттерси, заехать на станцию в Челси, забрать там еще одну СПК и направляться в Гренфелл. Дежурная сообщила также, что нам понадобятся усиленные дыхательные аппараты.

Это означало, что нам придется заходить внутрь башни. Пожарные используют две разновидности дыхательных аппаратов со сжатым воздухом, или ДАСВ: стандартные и усиленные. У усиленного аппарата два цилиндра со сжатым воздухом, в то время как у стандартного – всего один. Усиленный аппарат, соответственно, позволяет дольше находиться внутри пожара.

Пожарные из ночной смены обычно заканчивают работу в 9:30, но в тот день об этом не шло и речи. Оперативная обстановка всегда ставится на первое место, хотя, конечно, диспетчеры прилагают максимум усилий, чтобы команда, чье рабочее время истекло, получила

замену и могла отправиться домой. В любом случае мы работаем столько, сколько потребуется. Спасение людей для нас на первом месте.

Я поступил в пожарную спасательную службу несколько лет назад. Мы – своего рода «отряд особого назначения». У ПСК, пожарных спасательных команд, нет шлангов и раздвижных лестниц, как у обычных пожарных, зато они укомплектованы оборудованием для спасения людей: мы «вырезаем» пострадавших из машин, изуродованных в авариях, извлекаем жертв из поездов, сошедших с рельсов (Городская спасательная служба), спасаем утопающих и даже выявляем редкие химические агенты при промышленных катастрофах. Наша задача – спасать людей, которым грозит опасность. И все равно я не мог взять в толк, для чего нас отправляют в Гренфелл.

В ПСК обычно входит четыре или пять человек. Командой мы называем свой экипаж, в который входит также машина со специальным оборудованием, она же «малышка». Вместе с четырьмя коллегами я погрузился в автобус и покатил в Челси, где к нам присоединилось еще пятеро – в общей сложности десять человек. В таком составе мы направились напрямик в Гренфелл. Движение было довольно плотным, но сирены и мигалки помогли нам добраться относительно быстро. Мы оказались на месте около 10 утра.

Автобус мы поставили возле «Точки сбора», куда подъезжали все вызванные команды. Я заметил нескольких знакомых из северо-западного Лондона, где служил раньше – со станций в Уэмбли, Райслипе и других районах.

Через пару минут за нами пришел офицер: он сообщил, что происходит на месте пожара, подтвердил, что потребуются усиленные дыхательные аппараты и что мы направляемся к башне. Я не особо нервничал или волновался, памятуя о том, сколько времени прошло с начала пожара – не меньше восьми часов. Даже если нам придется заходить в башню, мы будем в полной экипировке и с дыхательными аппаратами. Вряд ли нам предстоит делать что-то по-настоящему опасное.

Мы надели защитные костюмы и отправились к горящему дому. Улицы, прилегающие к Гренфеллу, были заставлены пожарными машинами – другим автомобилям подъезд к зданию запретили. Повсюду толпились люди. Плотный дым с резким запахом заволакивал небо: его наверняка было видно даже с расстояния нескольких километров. Уже из теленовостей я понял, что никогда раньше не видел пожаров подобного масштаба; теперь, на подходе к зданию, я осознал, что это будет, пожалуй, самый серьезный пожар за всю мою профессиональную деятельность.

Гренфелл-Тауэр, 24-этажный жилой комплекс, высокий и внушительный, превратился в выгоревшую развалину – обугленный скелет здания, стоявшего здесь накануне. Нет таких слов, которыми можно было бы описать огонь, способный на подобные разрушения. Неуемный, бешеный, кошмарный, адский, апокалиптический – даже все вместе эти эпитеты не передают мощь пламени, сотворившего то, что нам предстояло увидеть тем утром.

Одна мысль о том, чтобы войти внутрь, пугала до смерти. Инстинкт самосохранения кричал, что этого делать нельзя – надо держаться от башни подальше. Однако я стойко сопротивлялся, по-прежнему считая, что в здание нас вряд ли пошлют. Пожар начался в час ночи, а сейчас почти полдень. Прошло около двенадцати часов.

Даже шагая к башне в полной экипировке, я продолжал сомневаться, что мы окажемся внутри. Думал, что Оперативный штаб эвакуирует здание из-за угрозы обрушения. На пожарах нередко случается, что команду держат в боевой готовности, но ее участие в результате не требуется. Это решает Штаб. Мы же готовы делать все возможное, чтобы спасти людей.

На безопасном расстоянии от входа в здание, на газоне, мы увидели десятки пожарных: кто-то стоял, но в основном все сидели или лежали. Повсюду валялись пустые баллоны из-под сжатого воздуха и элементы защитной экипировки, явно брошенные там, где их поспешно срывали с себя.

Люди выглядели подавленными, убитыми. Черные от дыма, они сидели, склонив головы и не глядя друг другу в глаза. Все были обессилены физически и морально. И это пожарные – сильные, отважные мужчины и женщины! Словно солдаты, вернувшиеся с войны, они, казалось, превратились в бесплотные тени самих себя. Сцена, достойная голливудского фильма – именно так там изображают последствия катастроф. Глядя на них, я начал задаваться вопросом о том, что нас ждет впереди. Каким я сам стану к концу этого дня?

Моя «синяя» смена принимала дыхательные аппараты от «красной» смены со станции Бэттерси – наша работа организована так, чтобы оборудование передавалось между сотрудниками одной станции. Я перебросился парой слов с приятелями из «красной» смены. Было очевидно, что им пришлось пережить нечто очень тяжелое.

Я спросил одного из них, все ли в порядке, и он тут же затряс головой.

– Никогда не видел ничего подобного. Никогда!

Я хотел поговорить с ним подольше, но времени не оставалось. Надо было быстро подготавливаться к заходу в здание.

«Красная» смена помогла нам надеть дыхательные аппараты и провести стандартную проверку костюмов и оборудования. Проверка всегда начинается со смены цилиндров со сжатым воздухом. Дыхательные аппараты обязательно тестируются перед использованием. Это гарантирует их безотказную работу, которая, в свою очередь, гарантирует нашу безопасность.

Пока мы проверяли аппараты, вокруг собирались другие пожарные, так как на место начинали прибывать «синие» с других станций.

Я столкнулся со своим бывшим начальником, который теперь отвечал за распределение команд, и спросил, какова текущая ситуация. Он ответил, что внутри здания порвался шланг, и пожарные его меняют. Шланги иногда прорываются или повреждаются во время использования. Порой это происходит от пореза об острый предмет или от трения с деталями конструкции.

Хаос немного улегся, когда в следующие несколько минут шланг удалось заменить, и пожарные смогли продолжать работу.

Я со своей командой завершал проверку оборудования; в нескольких шагах от нас то же самое делала команда из Челси. Команда Хестона получила распоряжение войти в здание. Им сказали, что сначала направят в зону ожидания – в пределах видимости от входа, но на безопасном расстоянии. Оттуда им предстоит проникнуть внутрь.

Однако у Хестона было только пять пожарных, а требовалось шесть. С одним из хестонцев мы когда-то вместе служили в Уэмбли, поэтому он обратился ко мне:

– Эд, нам нужен еще один человек. Ты как, сможешь пойти?

Ни один пожарный никогда не откажет в помощи другой команде. На больших пожарах, как в Гренфелле, мы идем туда, где нужны в данную минуту, – и я пошел с ними, оставив команду Бэттерси снаружи.

Мы оказались в зоне ожидания за пределами здания, где останавливались команды на пути внутрь или наружу. Команда из «красной» смены уже довольно долго сидела там, дожидаясь дальнейших распоряжений. В зоне ожидания мы провели около часа, и все это время я рассматривал Гренфелл и не верил своим глазам. Я понимал, что внутри, в огне, лежат тела незащитных жертв. Пожар все еще бушевал, сверху продолжали падать горящие обломки.

Зрелище было страшное: у нас над головами нависала горящая башня, увенчанная черным выгоревшим каркасом. Расположение Гренфелла делало эту картину еще более впечатляющей: одинокий, он вздымался высоко над прилегающими малоэтажными постройками, отчетливо выделяясь на фоне неба.

Я знал, что вскоре нам придется войти внутрь, и был серьезно встревожен. Впервые с того момента, когда я вдруг проснулся ранним утром, я ощутил беспокойство за нашу безопасность – мою собственную и всей команды. Я и раньше испытывал нервозность на сложных

пожарах, но сейчас она была сильнее обычного. Оглядываясь назад, должен сказать, что оказался прав. Инстинктивно я схватился за телефон – видимо, в поисках успокоения от общения с близкими.

Оказалось, в нем скопилось множество сообщений: все спрашивали, не послали ли меня в Гренфелл. От этого ощущение серьезности происходящего только усилилось – она была колоссальной. В городе только и говорили, что о пожаре. Я ответил, что действительно нахожусь в Гренфелле и вот-вот пойду внутрь.

Глядя на башню, я думал, что вполне могу войти в нее и уже не вернуться обратно. Конечно, происшествия, где я оказывался до этого, тоже бывали опасными, но до такой степени – никогда.

Произойти могло что угодно. Здание издавало такие звуки, словно готово рухнуть; внутренний каркас трещал от жара и мог вот-вот обвалиться. Я был уверен, что рано или поздно так и произойдет. Вокруг перешептывались о том, что опоры башни пострадали: неудивительно, с учетом того, что она горела уже больше двенадцати часов. Перспектива была угрожающей, и я думал, что мне сильно повезет, если я выберусь оттуда целым и невредимым. Наверняка среди пожарных тоже будут жертвы, и я вполне могу оказаться в их числе. Я не предполагал, что погибну, но понимал, что моя судьба будет зависеть исключительно от стечения обстоятельств.

Мы сидели в зоне ожидания, и все занимались одним и тем же: писали сообщения родным и близким. Мне пришло СМС от матери моей дочки Майлы; она спрашивала, не попал ли я в Гренфелл.

Да, я тут. Работенка, похоже, будет незабываемая. Скажи Майле, что папа ее любит. Я ей потом позвоню.

Моя лучшая подруга, Мишель, тоже прислала встревоженное сообщение. Ей я ответил подробнее, так что мой ответ позволял составить представление о том, что мы все чувствовали:

Да, я тут, само собой. Правда, отчасти об этом жалею. Когда мы приехали, одного взгляда на лица пожарных было достаточно, чтобы понять, что нас ждет. Опасность, смерть и ужас. Я в зоне ожидания, вместе с командой. Смотрю на башню: она как смертельная ловушка. Сверху постоянно падают обломки, и пламя до сих пор не утихло! Задания пока нет, мы не знаем, что нам поручат. Волосы дыбом встают, как подумаю о несчастных жертвах внутри!

Закончив переписку, я снова принялся рассматривать башню, по-прежнему не веря собственным глазам. Пожар таких масштабов в наше время в современном здании – это просто невероятно! Мы все понимали, что погибших наверняка немало, хоть и не знали пока, сколько именно, и от осознания того, что огонь, полыхавший так близко, забрал столько жизней, кровь стыла у нас в жилах.

Я понимал, что вскоре должен буду войти буквально в смертельный капкан – здание, охваченное пламенем, – но распоряжений до сих пор не поступило, и я не знал, что увижу и что буду делать, когда там окажусь.

Пару минут спустя старший хестонской команды, находившийся вместе с нами, получил особое задание, так что нас осталось пятеро. Нам приказали отправляться на так называемый опорный пункт, находившийся на четвертом этаже башни. При пожарных операциях в высотных зданиях он обычно располагается на два этажа ниже уровня огня. Оттуда координируется работа техники и пожарных команд. База должна быть максимально близко к самому пожару, чтобы мы как можно позднее включали дыхательные аппараты и имели больше времени для работы в огне. Если бы мы включили дыхательные аппараты в зоне ожидания, то смогли бы только дойти до четвертого этажа, где находился опорный пункт, после чего нам пришлось бы разворачиваться назад.

Стандартный дыхательный аппарат позволяет нормально дышать около двадцати пяти минут в зависимости от уровня потребления воздуха, прежде чем сработает предупреждающий сигнал; пожарный должен выйти из огня до этого сигнала. Усиленный аппарат с двумя

воздушными баллонами дает немного больше времени, но и оно варьируется относительно тяжести работы. Чем выше физическая активность, тем больше кислорода расходуется. Если вы бежите вверх по лестнице и тяжело дышите, баллон, естественно, закончится быстрее, чем при простой ходьбе. В команде, работающей в зоне огня, пожарные обычно меняются местами, так как тот, кто идет первым, расходует больше воздуха, чем остальные, ведь он расчищает им дорогу, убирая обломки и другие препятствия на пути, в то время как все прочие тушат пламя и спасают людей. Все члены команды должны время от времени проверять уровень воздуха в баллонах, и если у одного из них он существенно ниже, он меняется с кем-то местами, чтобы сохранить оставшийся кислород, потому что пожарный не может покинуть здание один – выйти должна вся команда. Она остается вместе постоянно, выполняя общее задание и обеспечивая безопасность всех участников.

На пути ко входу в башню нас сопровождали полицейские: они несли над нашими головами щиты, защищавшие от обломков, которые падали сверху. Плохое предчувствие стало еще сильнее. Башня рассыпалась у нас на глазах и продолжала гореть – было очевидно, что долго ей не продержаться. Как все остальные, я видел, что произошло с башнями-близнецами 9 сентября 2011 года, и ожидал, что здесь случится примерно то же самое. Оставалось надеяться, что этого не произойдет, пока мы будем внутри. Полицейские довели нас до дверей и вернулись в зону ожидания, по-прежнему со щитами над головой.

Итак, я был в Гренфелле. Нижний этаж выглядел пустынным и заброшенным. Из-за дыма и отсутствия освещения там стояла темнота. Стены и полы сильно пострадали от воды, в фойе царил разруха. Я слышал, как вода стекает по этажам. Ее закачивали сверху, в основном с воздушных лестничных платформ, и она лилась оттуда вниз, повреждая лестницы, стены и вообще все на своем пути. Электричество отключили уже давно, и сырость в сочетании с темнотой и разрухой навевала мысли о фильмах ужасов.

С реальностью мое описание не сравнится, но по ощущениям все было именно так – как в декорации, подготовленной для съемок.

Мы поднялись в опорный пункт, чтобы получить дальнейшие инструкции. Нас отвели в свободную квартиру, которую использовали как зону ожидания. Нам надо было сидеть там до получения задания и команды на выход. Снова ожидание. Мы расположились в гостиной одной из квартир на четвертом этаже. Во всех комнатах находились пожарные; они сидели на кроватях, стульях, диванах – везде, куда можно было пристроиться. Очень странное чувство: сидеть на чем-то диване, в квартире, которая еще утром была для кого-то домом.

Я попытался осмотреться и понять, кто мог в ней жить. Интересно, были эти люди счастливы? Как им тут жилось? На полках стояло несколько фотографий, но мне не хотелось вставать и подходить ближе, чтобы их рассмотреть. Обстановка казалась потрепанной и старомодной, но вокруг было чисто. Это напомнило мне о доме, в котором я жил ребенком, а еще – о бедности. Видавшая виды мебель, телевизор из 90-х, протертый ковер – все как в доме моего детства. Из-за дыма и потопа квартира выглядела еще более уныло.

Я задавался вопросом, почему трагедии подобного рода случаются с людьми, чья жизнь и так не баловала. Я сочувствовал хозяевам квартиры, лишившимся жилья, но зато был уверен, что они выбрались из башни живыми. Никто из жильцов нижних этажей не оказался заперт в огне. И это немного утешало.

Глава вторая. Башня

Мы с остальными членами команды старались говорить о чем угодно, кроме адского пламени, окружавшего нас. Никто не упоминал о предстоящей работе. Казалось, все заключили молчаливое соглашение не обсуждать того, что происходит вокруг или что ждет нас впереди: какой смысл заикливаться на этом? Отчасти такое объясняется самосохранением, поскольку от разговоров о пожаре мы бы только сильнее разнервничались, но в то же время иллюстрирует, насколько пожарные могут быть дисциплинированными. Мы получили приказ сидеть в квартире и ждать и должны были находиться там до получения дальнейших распоряжений. С профессиональной точки зрения, этим наша осведомленность и ограничивалась. Если мы не знаем, что нам предстоит, то какой смысл об этом думать?

Но даже сейчас мы не были уверены, что пойдем дальше. Мы надели дыхательные аппараты и приготовились идти, но вокруг царил такой хаос, что нельзя было с уверенностью сказать, пошлют нас наверх или нет. Я слышал, как старший офицер обсуждал по рации проблему с отключением газовой сети, пожарные работали сразу на нескольких этажах, пустить воду все еще не удавалось...

За двенадцать лет я ни разу не видел, чтобы в опорном пункте скопилось столько людей, выполняющих столько разных задач одновременно. Все сновали туда-сюда, ситуация постоянно менялась, а это означало, что мы не можем знать, какую роль нам отведут – и отведут ли вообще. Я уговаривал себя не нервничать насчет будущего задания. Думал о том, остались ли после стольких часов выжившие на верхних этажах. Устав от ожидания, я уже хотел пойти наверх и взяться за работу.

Двух хестонских пожарных отозвали, так что нас осталось трое – я и еще двое из Хестона. Мы не знали, зачем отозвали тех двоих. Десять минут спустя появился командующий сектором, которому понадобилось еще два человека. Пожарные из Хестона хорошо знали друг друга, поскольку работали на одной станции, поэтому было логично им пойти вместе, раз уж они привыкли трудиться плечом к плечу. На мгновение я решил, что обо мне вообще забыли. Что если я останусь единственным, кто не понадобится наверху?

– Подождите минутку, – сказал я командующему. – Я пришел с этой командой. Я оставил своих, чтобы подняться сюда. Я не хочу стоять в стороне.

– Не беспокойтесь, – ответил он. – Подождите пять минут, я сейчас вернусь.

Мы трое остались в комнате.

Пару минут спустя к нам просочились новости о том, что опорный пункт целиком переводится на седьмой этаж: команды, оборудование, все. Много времени это не отняло, поскольку вокруг было достаточно людей, чтобы помочь.

Мы перебрались на седьмой этаж и снова стали ждать в такой же брошенной квартире. Довольно быстро командующий дал нам задание: начать обследование пятнадцатого этажа, включая холлы, лестницы и квартиры, оценить силу огня и отметить расположение тел жертв, если таковые найдутся. Далее нам предстояло продвигаться вверх по этажам, насколько будет возможно. Их оставалось восемь, но никто не ждал, что мы обследуем все сразу.

Как всегда первое – и главное: спасение выживших, если такие будут, в приоритете. Конечно, надежды почти не осталось, но было бы неправильно просто решить, что спасать уже некого. Все может случиться. Нам надо было двигаться вверх по этажам до тех пор, пока у нас не кончится воздух или условия не станут критическими: в этом случае мы должны вернуться и передать информацию командующему сектором.

Кто-то спросил, обследовались ли ранее этажи, на которые нас послали. Ответ был нет, никто не обследовал пятнадцатый этаж после того, как огонь охватил всю башню. Ранее пожарные, конечно, были там и говорили с жильцами, одновременно стараясь предотвратить рас-

пространение пламени. Но последствия нам предстояло увидеть первыми. От этого мне стало не по себе; одновременно я понимал, что нас не отправили бы туда, не будь риск оправдан.

Мы построились и двинулись вперед. Я был встревожен, даже напуган. Мы направлялись прямо в огонь, поднимались в раскаленную, самую опасную часть здания. При громадной температуре и низкой видимости нам предстояло шагнуть в неведомое.

В подобные моменты в голове у пожарного звучат сразу два голоса. Один – профессиональный: он гордится тем, что принимает участие в столь значимом событии, делает важнейшую работу, применяет на практике свой опыт и знания. Другой – человеческий: он говорит о том, сколько людей уже погибло в этом здании, печалится о них и их семьях, а еще – боится за собственную безопасность.

Именно эти двойственные мысли и эмоции теснились у меня в голове, пока мы шли к лестнице. Я надеялся, что когда мы включим дыхательные аппараты и приступим к работе, моя голова очистится, так что постарался немного успокоиться.

Нам приказали начинать с пятнадцатого этажа. Но по дороге туда мы столкнулись с другой пожарной командой, которая сообщила, что уже обследовала этаж и жертв не обнаружила, так что мы поднялись на шестнадцатый, где до нас пожарных еще не было.

Я попытался связаться с диспетчером и проинформировать его, что мы начинаем обследование шестнадцатого этажа, но по мере продвижения сигнал рации становился все слабее, а на шестнадцатом этаже пропал совсем. Отчасти это объяснялось удаленностью диспетчерской, отчасти – конструктивными особенностями здания и условиями среды.

Гренфелл-Тауэр был построен достаточно удобно: в центре проходила широкая шахта, где находились лестницы и лифтовые колодцы; шесть квартир каждого этажа выходили в общий холл, так что нам не надо было преодолевать большие расстояния, чтобы осмотреть их все. В основе проекта, датированного 1967 годом, лежала комбинация надежности и адаптивности. Центральная шахта и колонны по периметру башни отвечали за надежность. Внутренние стены не были несущими, так что конфигурацию помещений можно было менять без особых проблем, не затрагивая основную конструкцию здания, что обеспечивало адаптивность.

Размеры этажей, 22 на 22 метра, давали полезную площадь в 476 м² (5,120 квадратных футов); на каждом было по шесть квартир: четыре трехкомнатных и две двухкомнатных. Высота башни составляла 67,3 м (221 фут), общее число квартир – 120, максимальное количество жильцов – около 600. Из 24 этажей под квартиры отводилось 20, на нижних четырех располагались коммерческие, административные и другие нежилые помещения.

На шестнадцатом этаже вокруг шахты жертв мы не обнаружили. Нам предстояло обследовать лестничные клетки, холлы, все комнаты в квартирах, насколько это будет возможно. Видимость была совсем плохая. Я мог кое-как разглядеть членов своей команды, но видел не дальше чем на пару метров от себя.

Нам сказали, что мы можем выбивать двери квартир, если они закрыты, и заглядывать внутрь, но заходить в них не должны, так как здание сильно повреждено. Некоторые двери прогорели насквозь, так что все было видно; некоторые еще держались, но еле-еле, так на них подействовал огонь.

Мы принялись обходить квартиры одну за другой. Все выглядели так, будто в них разорвалась бомба: с пустыми полками, закопченными стенами, выгоревшие дотла – обугленные скелеты жилья, которым они когда-то были. Снаружи здания еще полыхал огонь; очаги пламени местами попадались и внутри.

Поднимаясь по лестнице, я ногой расчищал перед собой ступени, чтобы остальные члены команды могли беспрепятственно по ним пройти. Я был их лидером и старшим по возрасту. В одной руке я держал мощный прожектор, устойчивый к высоким температурам, специально разработанный для использования в задымленных помещениях.

У каждого из нас имелся собственный ручной фонарь, с помощью которого мы обследовали этажи, но на лестницах я шел первым с прожектором в руке, проверяя, нет ли на пути препятствий или тел жертв. Дым сильно затруднял продвижение, но прожектор немного увеличивал видимость.

На любых пожарах мы регулярно связываемся с диспетчерской, информируя ее о своем продвижении и о показаниях дыхательных аппаратов. Все сведения строго фиксируются. Однако в Гренфелле связи не было, так как не функционировали рации, и очень скоро мне стало ясно, что из-за внешних условий и размеров обследуемых площадей нам будет сложно потом вспомнить, что мы видели и где. Все этажи казались одинаковыми. Единственным средством, с помощью которого можно было зафиксировать необходимую информацию, оставался мой телефон.

Пожарным не разрешается использовать телефоны в ходе работ, не говоря уже о ситуациях, подобных этой. Однако я решился нарушить правила, поскольку никаких других способов не существовало. Я понимал, что мне придется снимать перчатку, чего не стоит делать даже при штатном тушении пожара – мы все надеваем защитные костюмы, чтобы не подвергать кожу воздействию экстремальных температур. Но я должен был это сделать. В противном случае мы напрасно потратили бы время. Информация, которая передается диспетчерам, должна быть максимально точной. Рука моя горела, телефон раскалился, но, к счастью, продолжал работать.

Мы поднялись на семнадцатый этаж и там обнаружили первую жертву. Чем выше мы забирались, тем хуже становилась видимость. Кругом клубился дым. Я использовал прожектор и ручной фонарь одновременно, чтобы обследовать крошечный пяточок вокруг себя. Если один из нас что-то замечал, мы все старались подойти поближе и рассмотреть подробности. Из-за низкой видимости требовалось три пары глаз вместо одной, чтобы понять, что именно мы обнаружили.

На этот раз перед нами была женщина; она лежала в холле неподалеку от лифта. Наверняка она пыталась выбраться из здания, но не успела. Я спрашивал себя, сколько она пробыла здесь. Она не сильно обгорела, но явно некоторое время подвергалась воздействию экстремально высокой температуры. Когда мы к ней подошли, я не сразу понял, что именно лежит передо мной. Посмотрев внимательнее и различив тело жертвы, я, потрясенный, инстинктивно отшатнулся. Я понимал, что мы обнаружим немало жертв, но не был готов увидеть их своими глазами. До этого я, конечно, видел мертвые тела, как будучи пожарным, так и в рамках других профессий, и даже более пугающие, чем это, но тут была совсем другая ситуация. Сам факт, что я нахожусь на семнадцатом этаже башни, которая еще горит, и полностью осознаю, какой опасности подвергаюсь, тяжким грузом ложился на мой рассудок и нервы.

Я взял себя в руки и подошел поближе, чтобы зафиксировать детали. Мы здесь, чтобы делать свою работу. Несмотря на тьму и дым, я видел, что женщина лежит на спине, лицо ее черно от дыма, глаза закрыты, а рот приоткрыт. Насмотревшись в прошлом на мертвецов, я привык к тому, что они выглядели умиротворенными, здесь же умиротворенности не было и в помине.

Задерживаться было нельзя; я сделал кое-какие пометки, и мы пошагали дальше, на восемнадцатый этаж. На лестничной клетке обнаружилась еще одна жертва, мужчина. С искаженным ртом, он тоже не сильно обгорел, но долго пролежал при высокой температуре. Поддав в себе все эмоции, я действовал подобно роботу: вслух повторил все детали нашей находки и записал их на телефон – «один мужчина, взрослый, на лестничной клетке восемнадцатого этажа». Больше смотреть на него я просто не мог.

Мы разделились и пошли проверять квартиры. Они выглядели одинаково, словно в каждую бросили гранату, выгоревшие дотла. Сгорело буквально все: мебель и техника превратились в угли, очаги пламени до сих пор сохранялись в большинстве квартир.

Кое-где мы заметили яркие язычки голубого пламени, поднимавшиеся из-под пола. Газовую систему так и не удалось отключить – с самого начала пожара с ней возникли проблемы. Зрелище казалось особенно пугающим с учетом того, к какому кошмару мог привести взрыв. Газ, поступающий по трубам, сгорал равномерно; он не накапливался, дожидаясь искры, чтобы воспламениться. Голубые язычки пламени выглядели безобидными, как огонь в газовой духовке. Тем страшней было видеть кухонные плиты, к которым еще вчера шел этот газ, превратившимися в обугленные остатки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.